

© 2003 г. А. Л. ШИЛОВ

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И ЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ СУБСТРАТНЫХ ТОПОНИМОВ РУССКОГО СЕВЕРА

1. О МЕТОДЕ НАПРАВЛЕНИЙ ЭТИМОЛОГИЗАЦИИ ТОПОНИМОВ

Одним из мощнейших средств исследования субстратной топонимии является сопоставление групп субстратных топонимов той или иной территории со сходными фонетически и структурно топонимами соседних территорий, где происхождение основной части топонимии надежно устанавливается на основе данных живых языков. Соответствующий метод "направленной этимологизации" (включающий создание идеографического словаря топонимов)¹ разработан и успешно используется А. К. Матвеевым и его школой для территории Русского Севера [Матвеев 1969, 1976, 2001: 87–100] (при этом, естественно, подразумевается, что, по тем или иным показаниям, оказывается возможным определить принадлежность мертвых языков исследуемой территории к конкретной языковой группе).

Так, например, исходя из частотности прибалтийско-финских и "севернофинских" (по определению А. К. Матвеева) "барсучьих" названий на Русском Севере и в Карелии (*Мехреньга, Мегрега, Мегра, Мязра, Мязрозеро* и др.), позволительно думать, что семема "барсук" была активна и в топонимии мери, язык которой заведомо принадлежал к финской языковой семье. Поэтому, опираясь на прибалт.-финск. *mağa* и марийск. *nerge* "барсук", можно предположить, что основа гидронима *Мерегель* ~ *Мергель* (приток 2-го порядка р. Клязьма во Владимирской обл.) происходит из мерянского **merge* "барсук". К этому реконструируемому мерянскому слову могут восходить и такие личные именованья, зафиксированные на бывшей мерянской территории, как *Мерга* (Московский уезд, 1445 г.) и *Мергасов* (Кашин, 1571 г.)²

Указанный метод не менее (а может быть – и более) действенен в ситуации, когда разноязычная топонимия, часть которой принадлежит известным, другая же – неизвестным языкам, присутствует на одной и той же ограниченной территории, т. е. когда разноязычная и разновременная³ топонимия создавалась в одних и тех же природных (ландшафтных и климатических) условиях⁴

¹ В рамках этого метода поиск ведется не от субстратного топонима к апеллятивам различных языков, а от апеллятивов конкретного языка(языков) к топонимам исследуемой территории

² Точно так же, как из указанного прибалтийско-финского слова явно произошли личные имена типа *Мегра/Мазра* и *Негра/Нагря* (с меной *м* ~ *н* уже на русской почве), отразившиеся, в частности, в названиях оз. Магрино на р. Ундукса в Карелии и *Негринской пустыни* в Тотемском уезде на р. Сухона (1623 г.)

³ Когда мы говорим о разновременной топонимии, мы имеем в виду лишь различие эпох, в которые возникала основная масса того или иного топонимического пласта. Но совершенно очевидно, что эти пласты отчасти накладывались между собой во времени (подчас весьма существенно), ибо никогда какой-либо народ не сменял собою другой сразу и без остатка

⁴ Конечно, при этом абсолютно необходимо учитывать возможные различия в типе хозяйства и этнопсихологии разных народов в разное время, что накладывает заметный отпечаток на семантику многих групп топонимов (см. об этом [Матвеев 1977, Шилов 1995, Березович 2000]). Некоторые иллюстрации к сказанному будут приведены ниже

Весьма полезным (подчас же – абсолютно необходимым) дополнением указанного метода является всесторонний (желательно – подкрепленный личными наблюдениями) анализ типа (конкретного облика) и местоположения соответствующих географических объектов. Так, анализ относительного расположения некоторых водных объектов позволил автору высказать гипотезу о происхождении ряда субстратных названий Русского Севера с основой *Анд-* [Шилов 2001a]; анализ формы ряда морских и озерных заливов Карелии и юга Кольского п-ва привел к реконструкции древнего карельского географического термина *kanda*, ныне словарно означающего лишь "пятка; основание; оконечность", а в былом географическом употреблении также: "залив с узким входом"; личные наблюдения горы *Шавруха* (побережье Белого моря) позволили однозначно выбрать из двух потенциально возможных (по фонетическим и семантическим соображениям) саамских лексем ту (*tšoarve* "пог"), что явно легла в основу названия данной горы [Шилов 2003].

Но нередки случаи, когда и указанные приемы не срабатывают, т.е. трактовка субстратного топонима остается неоднозначной. Здесь особое значение, пожалуй, приобретает типичность даже не столько отдельных семем, выявленных на референтной территории, сколько активных в топонимии семантических моделей. Эти модели могут иметь как общий (относясь к топонимическим универсалиям), так и узкорегиональный характер, будучи, например, обусловленными общностью основной хозяйственной деятельности разноязычного населения региона, либо специфическими географическими особенностями региона, в силу чего, в результате межъязыкового взаимодействия, вырабатываются или заимствуются некие локальные "топонимические штампы". В последнем случае "направленная этимологизация" субстратных топонимов, образование которых априорно может следовать той или иной модели, будет доказательна и продуктивна в том случае, если в субстратной топонимии исследуемого географического региона найдется хотя бы один внешне подобный пример, достаточно надежно верифицированный какими-либо экстралингвистическими показаниями (историческими, географическими и т.д.).

Итак, мы приходим к выводу, что к наиболее достоверным результатам при этимологизации топонимов, возникших на базе мертвых языков, может привести лишь сочетание нескольких приемов: создание идеографического словаря (хотя бы частного), учет географической сути объектов, исторических данных о конкретном объекте и выявление устойчивых (для данного историко-географического региона) топонимических моделей в референтных языках. Некоторые частные аспекты этой проблемы мы и собираемся рассмотреть ниже.

2. СПЕЦИФИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АПЕЛЛЯТИВОВ В ТОПОНИМИИ

Одной из наиболее ярких (и, притом, древних) языковых универсалий является использование обозначений частей тела человека и животных в качестве географических терминов. Более того, согласно изысканиям Э.М. Мурзаева, перенос значений анатомической лексики в географическую терминологию происходит по одним и тем же жестко повторяющимся ассоциациям у разных народов и в разных странах, т.е. здесь мы имеем дело с набором устойчивых моделей, активно проявляющихся в топонимии [Мурзаев 1995]. Следовательно, определенные шансы на успех имеет направленный поиск "анатомических" топонимов, возникших на основе мертвых языков (в подобном поиске четкое представление о конкретной географической сути и образе объектов, безусловно, выходит на первый план).

Интересно было проверить это положение на территориях с топонимией, созданной народами разных языковых семей. Для Карелии (где представлена саамская, прибалтийско-финская и русская топонимия) наше исследование подтвердило спра-

ведливость положения Э.М. Мурзаева в отношении большинства типичных анатомических терминов (*спина, рот, горло, глаз, лоб, зад(ница), нос, пуп, рог, колено*) [Шилов 1999а: 67–79; 1999б]⁵. Это, в свою очередь, позволило предложить этимологию для некоторых названий на территории Карелии, условно относимых нами к "чуждским", то есть оставленных населением, говорящим на мертвом ныне языке, а именно: архаичном диалекте прибалтийско-финского типа (подробнее [Шилов 1999в]). Так, опираясь на географические реалии, мы позволили себе сопоставить названия п-ва *Ониш* на Топозере и о. *Онче* на Белом Море с реконструируемым древнефинским словом **oniša* "лоб" (при финск. *otsa*, карельск. *očša*, саам. *vuotse*) [Шилов 1999а: 70].

Достаточно же неожиданным для нас оказалось то, что совершенно иная картина на данных территориях наблюдается в географической (топонимической) реализации понятия "голова" как номенклатурного термина [Шилов 2001б].

Согласно Э.М. Мурзаеву, географическое употребление понятия "голова" реализуется у разных народов следующим образом: в польском (*gława*), французском (*tête*), немецком (*Kopf*), монгольском (*толгой*), китайском (*тоу*), ненецком (*нгэва*), таджикском (*сар*), хинди (*сир*) (добавим сюда и кельтское *rep* – *А.Ш.*) – "гора; горная вершина; холм"; в болгарском (*глава*) и вьетнамском (*nguyen*) – "исток реки", в английском (*head*) – "исток реки; мыс"; в тюркских (*баш/бас*), лакском (*бан*), эвенкийском (*дыл*), чукотском, корякском (*левит*) – "гора, вершина горы; исток реки" [Мурзаев 1995: 11]. Итак, на основе приведенных примеров, вырисовываются два основных мотива: "гора (вершина горы)", "исток реки".

В русских диалектах Э.М. Мурзаев [1984: 149] для термина *голова* отмечает значения "вершина, исток реки, начало оврага" (наиболее общее); "верхняя по течению часть острова" (Северная Двина); "мели, расположенные вдоль берегов" (Псковская обл.); "большой порог на реке" (Ленинградская обл.); "гладкое возвышенное место на болоте" (Каргополь).

Словари же дают следующие географические значения термина.

[СлРЯ, 4: 64]: **Голова**. "Вершина, верхняя часть ч.-л.": *И мы того острова голову положили под поскотину* (1677); *а въ головахъ у Волги нижняя коса острова Толстика да Иванова пожня* (нижегородск.) (1646). Ср.: *с тово островка с верхныя головы прямо в Вагу реку* (1656) [Дерягин, Комягина 1972].

[АОС, 9: 232]: **голова** "верхняя по течению часть острова"⁶. Заметим, что Е.Л. Резович обращает внимание на названия островов, располагающихся в северной части некоторых озер (о. *Головка* на оз. Дружининском в Вашкинском р-не Арханг. обл., о. *Голова* на Кубенском оз.). Она же отмечает популярность модели "голова–

⁵ При этом, впрочем, оказалось, что сам "арсенал" анатомической лексики (в ее географическом употреблении) может существенно различаться в разных языковых традициях. Так, в саамской топонимии достаточно активны названия внутренних органов человека, что нехарактерно для топонимии прибалтийско-финской и русской (но, что интересно, достаточно типично для топонимии тюркского происхождения).

Равным образом, в разных языках подчас различной оказывается географическая интерпретация названий "периферийный, неглавных" анатомических органов. Например, в прибалтийско-финской традиции термин *harja, harju, harda* "грива" употребляется в названиях вытянутых холмов, гребней возвышенностей, отмелей [ПФГЛ 1991], что вполне соответствует употреблению термина *грива* в центральных областях России и в Белоруссии. Но в Карелии русский термин *грива* означает, в первую очередь, "поток воды, поднимающийся гребнем (вдоль оси потока)" и в этом значении отмечается в названиях ряда порогов (на реках Пистайоки, Шуя Онежская, Калга).

⁶ Ср.: *что на Налье острову в Рыбье Голове против Ровдины горы* (1621 г.) [АИ 1841–1842, 3: 124].

хвост" применительно к частям речных островов (или покосам на них)⁷ [Березович 2000]

[НОС, 2: 25]: **голова** "одна из сторон озера" (см. выше наблюдение Е. Л. Березович).

[СРГК, 1: 353, 356]: **голова** "верхняя или нижняя часть чего-нибудь": *Сверху, когда едешь к порогу, скажут голова, Морской порог – нижняя голова, крепко бурлит* (Терский р-н Мурманской обл.). **Головка** "воронка, водоворот": *речка у нас широкая, головок много, такое порожистое место* (Подпорожский р-н, Ленинградской обл.).

Итак, материалы словарей, вопреки подчас неоправданно расширенной в них семантике (*голова* – "верхняя часть чего-то"), дают достаточно определенное значение русского слова в его географическом употреблении. Судя по словарным, текстovým данным и топонимам, значение географического термина *голова* эволюционировало (с юга на север – от Поволжья до Кольского п-ва) следующим образом: "верхняя или нижняя часть острова в реке – порог у острова – порог". Названия порогов с элементом *голова* (что важно, зачастую не привязанных к островам) встречаются в документах с конца XV в. Локализуются они в Северном Приладожье, на Свири, Шексне и в бассейне Онеги⁸.

Теперь посмотрим, в каком качестве выступает географический термин со значением "голова" в топонимах Карелии. В названиях порогов, как мы видели выше, у русских этот термин в значении "порог у острова" или просто "порог, луда" фиксируется лишь на самом юге Карелии (и, напомним, на Терском берегу Кольского п-ва), продолжая традицию, отмеченную и на ближайших южных и юго-восточных территориях.

В названиях возвышенностей в Карелии русское *голова* вроде бы не встречается, за исключением немногих топонимов, которые содержат, однако, не просто термин *голова*, но устойчивое сочетание *медвежья голова* (ср. горы *Медвежьей Головы* на Белом море у дер. Юково). Весьма вероятно, что это не оригинальные русские названия, а кальки соответствующих прибалтийско-финских названий, довольно многочисленных. Ср.: *Omenя*, эст *Oterpaa* (при *ott*, родит. пад. *ote* "медведь"), *Odempe* у Генриха Латвийского – она же *Медвежья Голова* в 1116 г. [НПЛ 1950]; оз. *Большая Коньшупа* (карел. *kuntsa pia* "медвежья голова"; диал. *kuntsa* "медведь" при более частом *kondii*) меж губой Кефтеньга и Ледмозером на п-ве Заонежье, ср.: *дер. на Кевтене губе во дворе Васка Медвежьей Голова* (1496 [ПКОП 1930]); о. *Концепы* в Унойских островах Онежского оз., ср. запись 1540: *в Уносских островах. . Медвежий остров* [Мат. 1941]; оз. *Кархуньярви* басс. Койтаеки на западе Карелии (ср. финск *karhu* "медведь", *raa* "голова").

Не исключено, что в прибалтийско-финской традиции это сочетание было столь же терминологичным (означая, скажем, горы с крутыми склонами и округлой вершиной), как и известные сочетания – "термины" русское *Собачьих Пролазы* "узкий,

⁷ Многие реализации модели можно интерпретировать в связи с идеей "начало–конец". Данная модель употребляется в разных в ориентационном плане ситуациях (1) Точка отсчета вынесена вовне и объективирована, при этом положение *головой* и *хвоста* определяется по течению реки. Номинируются верхние и нижние по течению части островов (или покосов, расположенных на этих островах, либо на ближайших речных берегах). На территории Русского Севера эта модель фиксируется лишь в бассейнах Северной Двины и Мезени. (2) Точка отсчета переносится в населенный пункт. *Голова* становится началом с.-х. угодий, а *хвост* – концом, т. е. наиболее удаленной их частью (модель применяется к лесам, полям, покосам) [Березович 2000]. Ср. "деревня на Волко-острове словет на Хвосте" (Кижский погост, 1563 г.) [ПКОП. 129].

⁸ Пороги *Иванова Голова* (близ с. *Иванов Бор*) на Шексне, *Плундоголова* на Эняйоки (1500 г. [ПКВП 1852]), *Бесова голова* (близ устья Бесова ручья), *Новая Голова* (1563 г. [ПКОП 1930]), луда *Березова Голова* (1496 г. [ПKNЗ 1999: 291–300]), *Медвежья Голова*, луда *Казаручейникова Голова*, *Подпорожья Голова*, *Сиговец Березова Голова* [Озерецк 1812], *Лисья Голова* на Свири, *Шастья Голова* на Иксе, *Большая Голова*, *Малая Голова*, *Мертвая Голова* на Онеге

труднопреодолимый участок волокового пути", *Мышья Черева* "узкий, извилистый участок судового хода на реке" (ср. и карел. *Huren-virta* "Мышиная стремнина" – порог на р. Судно), *Железные Ворота* "опасный порог, узость в реке, пролив на море" (ср. карел. *Rauduvera* "Железные ворота" – порог на р. Видлица), *Бараньи Лбы* "высокие гладкие прибрежные скалы", карельское *Kovrun-polvi* (русс. *Кривое Колено*) "порог с несколькими крутыми поворотами". Мы видим здесь достаточно устойчивые топонимические модели для образного обозначения специфических типов объектов в кругу тех, что определяются более широкими родовыми понятиями (волок, порог, скала, гора и т.д.).

В прибалтийско-финской же топонимии термин *raa* (карел. *ria, rie, rea*, вепс. *ra*) "голова; верхушка; конец, край" чаще всего означает не горы, а части поселений⁹. Подобные названия зафиксированы с XIV в.; в северно-русской топонимии этому соответствует *конец*. В топонимии Финляндии и Западной Карелии отмечено существование ойконимических пар с элементами *-keskus* "центр" и *-raa* "край" [Nissila 1975: 43, 46, 141, Kepsu 1981: 217–218; ПФГЛ 1991: 72]. Нередко данный термин присутствует и в названиях мысов (*Hukanraa, Karhuraa, Oinaanraa* ~ *Oinaanniemi*, ср. финск. *niemi* "мыс") [Nissila 1975]) или прилегающих к ним объектов (тоня *Тороная* (1580 г. [АСМ 1990: 145]), ныне *Туронайка/Торонайка* у оконечности мыса Турий на юге Кольского п-ва), либо объектов (поселений) находящихся на оконечности озерных островов (дер. *Sarenpa* "островной конец", *Uksalompea* – дер. на оконечности о. Ускальский) или у озерных заливов (дер. *Järvenraa* "озерный конец"), с.-х. угодий (поле *Сотиння* у Рыбреки, покос *Везинайки* (* *Везиня*) у Суйсари в Прионежье).

Относительно редко (за исключением упомянутых "медвежьих голов"), но все же встречаются карельские названия возвышенностей типа *Сурьяния, Дюамания, Демозен ня* ~ *Демозен вуара* (ср. карел. *vuara* "гора").

Существует также вепсское *kosken pä* "начало порога" (при *kosk* "порог"), см. выше о русских названиях некоторых порогов Южной Карелии. Ср. также название порога *Шуриная* (по-карельски "Большая Голова") у большого острова на р. Кемь. Единичность подобных примеров не позволяет судить о том, имеем ли мы здесь дело с заимствованием семантической модели (скажем, из русского) или с проявлениями независимой прибалтийско-финской традицией именования порогов, расположенных у островов, либо начальных частей порогов.

Саамское *vuaive, oju, oaiv, uaiv, uiv* "голова", в топонимах означает обычно "гора с округлой вершиной" [Itkonen 1958: 787]. Иногда этот термин встречается и в названиях высоких островов: *Кузова* – *Kuz-oaiv* "Еловые головы" (Белое море)

Но словарно в саамском отмечено также и *kuoška-vuajvaš* (при *kuoška* "порог") или просто *vuaivaš* "начало порога" [Itkonen 1958: 1063]. Эту модель мы видим и в названиях порогов. ср. порог *Oavaš-guošk* ~ *Vuavaš* на Печенге (Кольский п-в), порог *Войбуч* (у острова) на р. Водла (известен с 1563 г. [ПКОП 1930]) и водопад *Вояч* (название зафиксировано в XVII в.), т.е. Воицкий падун, тремя протоками меж островов сливавшийся в реку Выг из Выгозера¹⁰. В силу малочисленности соответствующих топонимических примеров, опять-таки, неясно, есть ли это отражение традиции (наследующей былую общефинскую модель) номинации порогов у саамов, либо спора-

⁹ Отсюда многочисленные в Карелии *potina regionalia* типа *Семен Иванов сын Сулгоняев, Везиняй, Яков Павлов сын Алленпеина, Хавка Пяевская, Мосей Иванов сын Сирькипицев* [АСМ 1988 18, 52; АСМ 1990 14, 65, 146] В пос. Сельги (Медвежьегорский р-н Карелии) частотна фамилия *Ульяньев* (по-русски нечто вроде "Верхнеконечный"), либо одна из частей поселка называется *Верхний Конец*, по-карельски *Ularia*.

¹⁰ Неясна мотивировка названий *Вайвонец* – приток Сегежи, болота *Вайви мох* (1505 г. [Мат. 1941]) в бассейне р. Шалы, дер. *Вайвас-ламба* у Вагвозера, в которых вроде бы "опознается" саам *vuaive* "голова".

дически возникающее образное описание порога, находящегося близ острова. Во всяком случае, здесь говорить о русском влиянии уже заведомо не приходится.

Таким образом, несмотря на сделанные оговорки (в случаях *голова* "начало порогов" или "порог у острова" у карел, вепсов и саамов, *"гора"* у русских и карел), мы видим, что существенной контаминации основной семантики термина со значением *"голова"*, исходно различной в географической сфере у саамов (*"гора с округлой вершиной"*), прибалтийских финнов (*"часть поселения; оконечность мыса, озера"*) и русских (*"порог у острова, порог"*), в целом все-таки не произошло, несмотря на многовековое контактирование этих народов на территории Карелии. Вероятно, это дань старых традиций. Заметим, что И. И. Муллонен (на материале Вепсского Межозерья и Присвирия) пришла к следующему интересному выводу: даже в условиях длительного двуязычия, далеко не все семантические типы топонимов калькируются. Здесь большую роль играет наличие в воспринимающем языке соответствующих топонимических моделей, активных, притом, в конкретный исторический период [Муллонен 1995].

Резюмируя же все вышесказанное, мы приходим к выводу, что проецировать на древнюю топонимию (принадлежащую мертвым ныне языкам, пусть даже заведомо родственным прибалтийско-финским или саамскому) модель использования термина *"голова"*, как географического детерминанта в его известных ныне нам проявлениях, было бы, к сожалению, некорректно.

Приведенными выше наблюдениями, однако, *"головная"* тематика в топонимии Севера отнюдь не исчерпывается. Несколько лет назад автор обратил внимание на наличие в прибалтийско-финской топонимии Карелии достаточно распространенной и устойчивой модели номинации некоторых типов озер [Шилов 1993]. Тех именно озер, что давали начало реке или озерно-речной системе, либо тех, что, напротив, будучи нижними, последними в цепочке озер, как бы *"выпускали"* из себя реку. В обоих случаях эти озера оказываются крайними по отношению к реке, либо к озерной цепи, ср. одно из значений прибалтийско-финского слова *raa* не только *"голова"*, но и *"конец, оконечность"*.

Оказалось, что подобные озера во многих случаях носят названия типа *Piäjäjärvi*, что в переводе с карельского означает *"Голова-озеро (Головное озеро)"* или *"Крайнее озеро"*, т. е. здесь термин со значением *"голова"* стоит в позиции не детерминанта, но детерминатива.

Таковы озера *Пюзеро ~ Пяярви ~ Пявозеро* в истоке Ковды; *Паезеро* на р. Каменная басс. Ковды; *Пайозеро* на р. Винча; *Паезеро ~ Пяйярви ~ Пейярви ~ Пья-ярви* на Гумарине (нижнее в цепочке Совдозерской группы озер), *Пайозеро* на Воньге и др. (учитывая форму родит. пад. от *ria* – *riap*, сюда можно предположительно отнести и переосмысленное русскими название порога *Пьяный* на Кемь – с озерком в верхней его части).

Подчас, в результате смены населения (порой неоднократной), эти названия, будучи непонятны новым насельникам, переосмысливаясь через карел. *rajar* = русск. *боярин* оз. *Боярское* (финск. *Паяри*) в истоке озерно-речной системы р. Пулома басс. Энгозера; порог *Бояри* (карел. *Rajarinkoski*) на Кемь (на выходе из озеровидного расширения); оз. *Боярское* на р. Поннока, приток Тикшезерки басс. Чирка-Кемь¹¹.

¹¹ В отдельных случаях здесь можно было бы предполагать исходное саамское название типа *Rajj-jawr* *"верхнее озеро"*, ср. саам. *raje-* *"верх"*, *rajas, bajas* *"вверх, наверх"*, *raiebaž, rajabr* *"выше, высший"* и топонимы Кольского п-ва *Rajj-jawr, Raiebaž-luobbal, Rajmos-keunjes* [Itkonen 1958: 329–331, 1001]. Но указанные выше лимнонимы Карелии не образуют бинарных оппозиций с названиями типа **Вол-яр, *Вол-озеро* (из саам. *vuoll-* *"нижнее"*), ср. с многочисленными в прибалтийско-финской топонимии озерными парами *Юля-/Ала-* (*"Верхнее/Нижнее"*). Кроме того, саам. *raju-* семантически сомнительно для нижних по течению компонентов озерных систем, в отличие от прибалт.-фин. *raa*, имеющего, как сказано выше, также значение *"край, конец"*.

Существенно для нас то, что аналогичные названия обнаруживаются и на бывших прибалтийско-финских (вепсских или "чудских"), а ныне обрусевших территориях Ср.: р. *Боярка*, впадающая из небольшого озера (**Бояро*, *Бойозеро* в 1556 г. [АИ 1841–1842, Т. 1: 308]) в оз. Ситское басс. р. Славянки, пр. Шексны 91492 г. [АСЭИ 1952–1964, Т. 2: 221]), р. *Боярка* (приток Царевны) в бывшем Тотемском уезде, оз. *Боярко* на западе Белозерского р-на Вологодской обл. Особо (в свете вышесказанного) отметим *Боярский наволок* в левобережье Шексны (название фиксируется с 1585 г.), близ которого в конце XVIII в. названо оз. *Верхнее* [Кузнецов 1999: 35–36]

Таким образом, похоже, что рассматриваемая модель номинации географических объектов была продуктивна не только в современной (относительно недавней по образованию), но и в древней прибалтийско-финской топонимии, т.е. топонимии, созданной прибалтийскими финнами на землях бывшего их проживания (там, где их "не застала" письменная история). Следовательно, традиция использования данной модели имеет достаточно давние корни. Поэтому сделанное нами наблюдение было бы заманчиво распространить и на некоторые топонимы, предположительно возникшее на базе вымерших языков прибалтийско-финского или родственных ему типов.

Предварительные исследования показали, что по соседству с вышеуказанными вологодскими *Бояр*-лимнонимами (которые потенциально можно трактовать из вепс. **Pa-järv*), обнаруживаются сходные географическим положением *Бояр*-лимнонимы оз. *Буерко* (*Буярко*) и оз. *Буерское* в Кирилловском р-не Вологодской обл. (ср. *Буйзера* из сотной Кирилло-Белозерского монастыря 1544 г.) [Кузнецов 1995: 14]; *Буозеро* со стоком в низовья Чермжи – приток Куности басс. Белого оз., *Буйлахта* (*Буйлохта*) – нижнее из сцепки озер Долгое-Бабье-Буйлахта на р. Елома, впадающей в оз. Воже. Есть еще *Бояр-курья* в низовьях Двины. С учетом наличия мерянского топонимического субстрата в ряде районов Вологодской и Архангельской областей [Матвеев 1997]¹², приведенные названия можно предположительно интерпретировать именно как мерянские с отсылкой к марийскому *би* "голова" и *jer, jär* "озеро" (т.е. **Biŋer*, **Biŋar* "Головное озеро")¹³. Вряд ли здесь имело место **biŋ* "ручей" (как в многочисленных субстратных потапонимах Белозерья с элементами – *буй*, –*бой* [Субботина 1984]): "ручьевые озера" в целом нехарактерны для прибалтийско-финской гидронимии.

Еще одно предположение – гораздо более гипотетичное, нежели первое, но также имеющее право быть рассмотренным в силу явного наличия на русском Севере и в Карелии древнефинского топонимического субстрата. Этот субстрат автору представляется древним по отношению к прибалтийско-финскому идиому, ибо многими своими фонетическими особенностями (проявляющимися как в субстратной топонимии, так и в русской заимствованной лексике) он подчас соответствует прибалтийско-финско-саамским реконструкциям. Но соответствующий язык (или языки) при этом, скорее всего, не являлся предшественником современных прибалтийско-финских языков, а какое-то время существовал с ними параллельно¹⁴, представляя собой особый вариант развития финских языков (выделившихся из волжско-фин-

¹² Отметим, что указанные *Бояр*–*Буер* – названия пока обнаружены нами лишь в тех областях Русского Севера, где А. К. Матвеевым и его сотрудниками найдены отчетливые мерянские (или, более осторожно, волжские) "топонимические индикаторы".

¹³ Развивая сказанное, можно, кстати, предложить этимологию названия р. *Пуя* (приток р. Вага), альтернативную той, что была предложена А. К. Матвеевым, причем – с опорой на те же самые реалии (наличие озера в верховьях реки). Именно сопоставить название реки не с марийским *пуя* "пруд, плотина" [Матвеев 1998: 110], а с мерянским **bi* "голова" (с оглушением начального гласного в местной языковой традиции).

¹⁴ В частности, этот язык (или группа языков) не разделил с известными прибалтийско-финскими языками судьбу некоторых фонетических сочетаний или отдельных фонем.

ской языковой общности) [Матвеев 1975; Mullanen 1990; Муллонен 1994а; 2002; Шилов 1997б; 1999а: 33–38; 1999в].

С учетом всего вышесказанного, мы считаем возможным предположить, что в топонимии Русского Севера потенциально может присутствовать и древнефинское *pää* "голова" (см. подробнее [Шилов 1997а]), реконструируемое на основании данных современных финно-угорских языков [SKES, статья *pää*]. Во всяком случае, пока только эта этимология представляется сколь-либо правдоподобной для объяснения ряда соответствующих "темных" топонимов: залив *Панк-вуэппи* на Кольском п-ве, *Поньга-губа* на оз. Куйто¹⁵, *Поньгомозеро* и р. *Поньгома* басс. Белого моря, *Киельская Понги* на Ладожском оз. (т.е. "мысовая голова" при карел. *kieli* "язык; мыс."; топоним приведен в документе 1500 г. [ПКВП 1852]), залив Конепаанга на Поньгозере в истоках р. Поньга в Архангельской обл. и др.¹⁶. Существовало, что ряд соответствующих названий, опять-таки, явно отвечает объектам, для номинации которых вполне оправдана описанная выше семантическая модель "голова-озеро".

3. ТОПОНИМИЧЕСКИЕ МИКРОСИСТЕМЫ

Другой фреквенталией в топонимической номинации является образование топонимических микросистем, элементы которых связаны определенными семантическими отношениями. Априорно предсказать появление таких микросистем, т.е. тематически связанных групп топонимов, видимо в общем случае невозможно (здесь мы не говорим об оппозициях, см. ниже). Но, обнаружив один из элементов предполагаемой микросистемы, можно, хотя бы, попытаться вычлениить и другие. Если таковые обнаружатся, весомость интерпретации отдельных топонимов данной микросистемы естественно повысится.

Проиллюстрируем сказанное следующими примерами. Название оз. Пейпус (в псковской традиции – *Великое*, в новгородской – *Чудское*) на границе Эстонии и России считается темным по происхождению. Мы обратили внимание на то, что озеро находится в "сакральном" топонимическом окружении, принимая воды рек *Эмайги* (эст. *Emä-jõgi* "Мать-река"), *Пиуза* ~ *Пивжа* (ливск. *Püä-veiz* "Святая река") и *Великой* (ввиду наличия в верховьях реки крупного притока *Исса*, ее название полагалось калькой прибалт.-фин. *Iso-jogi* "Великая река" или *Isä-jogi* "Река Отцов, Предков") [Попов 1965]. Поэтому можно предположить, что в названии *Пейпус* присутствует прибалтийско-финско-саамское *päiv-/peiv-* "солнце; день", связанное с верованиями древних финно-угров [Шилов 2001 в]¹⁷. Так, у саамов солнце – это бог Пейве, что отразилось, в частности, в саамском эпосе о сыновьях Солнца – *Peive parne* (А. Кастрен).

Происхождение названия водопада *Кивач* в Карелии, воспетого Ф. Глиной и Г. Державиным, также является дискуссионным (автору известны четыре версии). Но наличие (в прошлом) на ограниченном участке реки Суна трех водопадов, два из которых почти заведомо носили "оленьи" названия (*Гирвас* – ср. саам. *hirvas* "бык,

¹⁵ Это обособленный залив, замыкающий протоку с цепью озер, верхнее из которых называется *Заднее*; здесь можно видеть оппозицию "голова (начало)" – "зад (конец)".

¹⁶ А.К. Матвеев отмечал: «Топооснова *поньг-* до сих пор не получила убедительной этимологической интерпретации. Фасмер приводит гидроним *Понга* (Костромская обл.) и с большой осторожностью сопоставляет его с марийским *ponge* "гриб", в конце концов резюмируя, что в этом случае ясности нет. Действительно, топоосновы *поньг-* (*понг-*) неоднократно зафиксированы на Русском Севере, а семема "грибной" встречается редко. Уже поэтому с обсуждаемой этимологией согласиться нельзя» [Матвеев 1992].

¹⁷ К этому предположению нас подтолкнул другой комплекс названий: северо-карельское *Пебозеро* (карел. *Piep'arvi*) входит в систему озер *Хиизярви* (карел. *hiizi* "злой дух", ранее "святая роща"), *Воронье* и *Карниозеро* (ср. с саам. *karnes* "ворон" – священная птица саамов, на которой шаман совершает путешествие в загробный мир).

самец оленя", *Пор-порог* – ср. карел. *poro, peura* "олень"), позволяет и для третьего водопада предположить "оленье" название – из саам. *kievvaš* "оленушка" [Шилов 1993: 29–30].

Хорошо известно, сколь многочисленные толкования предлагались для названия двинского села *Холмогоры* (изначально – *Колмогоры*) (краткая история вопроса и критический анализ версий: [Шилов 1996: 65–69]). В результате, наиболее убедительными были признаны две версии о происхождении основы *Колм-* этого названия: из фин.-угор. *kalm-* "смерть, могила" или фин.-угор. *kolm-* "три". А.К. Матвеев, в развитие версии М. Кастрена, опубликованной в 1862 г., убедительно показал, что название *Колмогоры* (здесь ср. фин., карел. *kolme*, саам. *kollm* "три") является элементом частично разрушенной топонимической микросистемы, включающей также название *Ухтостров* (ср. *yksi*, род. пад. *yhden*, саам. *okta, ehhta* "один") и *Нальостров* (ср. фин., карел. *neljä*, саам. *njællje, nellji* "четыре" [Матвеев 2000а: 109–110]. А это, бесспорно, повышает весомость второй версии¹⁸.

В Домашнюю губу Белого моря впадают (в километре друг от друга) реки *Березовка* и *Кузема*. Если первое название является не исконно русским, а переводным, можно полагать, что эти два гидронима входили в микросистему, мотивированную преобладающим типом растительности в устьях рек, соответственно – березы и ели (сейчас дело обстоит именно так). Следовательно, основа названия *Кузема* может быть соотнесена с карел. *kuuzi*, саам. *kuzz* "ель".

4. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ

Выше мы говорили о "тематических" микросистемах. Наиболее простыми структурно и, вместе с тем, наиболее распространенными топонимическими микросистемами являются те, что образованы парными (реже тройными) оппозициями. Как отметил А.К. Матвеев, топонимы, образующие бинарные оппозиции, легче этимологизируются, а их пространственная соотнесенность подтверждает этимологию с физико-географической стороны [Матвеев 2000б: 7]. Тем самым, большие перспективы открываются перед уже упоминавшимся методом "направленной этимологизации", в рамках которого поиск ведется уже не просто от апеллятива к топониму (поиск, основанный на предполагаемой семантике, структуре и общем фонетическом облике субстратных топонимов), а от группы (в нашем случае – пары) апеллятивов к группе (паре) топонимов.

В то же время, практика показывает, что многие из выявленных топонимических оппозиций низкочастотны (и потому трудно опознаваемы в субстратной топонимии), другие не абсолютны или же непредсказуемы (об этом речь пойдет ниже), т.е. для них метод направленной этимологизации принципиально неприменим. Иное дело, что, будучи языковыми универсалиями, топонимические оппозиции, бесспорно, в той или иной степени должны потенциально проявляться в топонимии, основанной на самых разных языках. Поэтому, при анализе субстратных топонимов, не стоит пренебрегать проверкой "соседних" топонимов на предмет их потенциальной семантической связи с "проверяемым" объектом. Например, уже упоминавшееся название п-ва *Ониш* (Топозеро, Карелия) было сопоставлено с др.-фин. **ontsa* "лоб" не в последнюю степень из-за наличия по соседству п-ва *Нячякка* (ср. кар. *niška*, саам. *n'uatšk'e* "затылок"). По-одиночке ни то, ни другое сопоставление убедительным не выглядит (в силу некоторых фонетических несоответствий), но географическая связанность объектов делает высказанное предположение достаточно правдоподоб-

¹⁸ Справедливости ради, отметим, что впервые эту версию (опирающуюся именно на расположение Колмогор по течению Двины относительно Ухтострова и Нальострова) еще до М. Кастрена выдвинул П. Базилевский [Базилевский 1844]. Правда, он не апеллировал к названию Ухтострова, а лишь сравнивал название *Нальостров* с «финским *наль* "четыре"».

ным. Равным образом, к объяснению названия порога *Синамус* (**Симанус*) на р. Видлица в Карелии из саам. *siemmanes* "младший" нас подтолкнуло (наряду с наблюдениями над характером самих порогов) соседство *Синамуса* с порогом *Пярзамус* (ср. саам. *poarsamas* "старший") [Шилов 1999а: 60–62].

Подчас исходная оппозиционность названий оказывается замаскированной позднейшими неточными кальками, либо переосмыслениями. Автору этих строк крупнейшие острова озера Селецкого (Карелия, басс. р. Лужма) были названы местным жителем как *Святой* (на нем растет огромная сосна, почитаемая как святое дерево) и *Вераши* (по объяснению информанта – "Остров веры")¹⁹. По данным же И.И. Муллонен (частное сообщение), второй остров в местной традиции имеет несколько названий: *Vierut suaret*²⁰, *Lehti suaret*, *Raado šoari*, что может быть переведено с карельского соответственно как "Острова чужаков (древней чуди? язычников?)"²¹, "Острова роши"²², "Остров мертвецов". Здесь уже отчетливо вырисовывается семантическое противопоставление с названием соседнего Святого острова.

Но вернемся к "явным" топонимическим оппозициям. Таковых в русской топонимии как на Русском Севере (см. об этом [Березович 2000: 85–128]), так и в Карелии наблюдается множество – как количественно, так и качественно (в тематическом отношении). Массовы топонимические оппозиции и в прибалтийско-финской, и в саамской топонимии Кольского п-ва, Карелии и Вепсского Межозерья, хотя их "тематический инвентарь", по наблюдениям автора, более узок в сравнении с позднейшей русской топонимией²³. Наиболее частотными в прибалтийско-финской топонимии Карелии являются по нашим наблюдениям оппозиции "большой–малый", "верхний–нижний", "ближний–дальний", "белый–черный", "высокий–низкий", "глубокий–мелкий", "передний–задний".

На фоне этой картины труднообъяснимым представляется практически полное отсутствие явных оппозиций в топонимии Русского Севера (Вологодская и Архангельская области) и исторических мерянских земель²⁴. Отдельные члены предполагаемых оппозиций встречаются, впрочем, достаточно часто, но без коррелирующих компонентов. Так, А.И. Попов связал название левого притока Волги *Керженец* (в старых документах – *Лева Керженка*) с мордовск. *керже* "левый" [Попов 1965]. Левыми притоками являются также *Киржач* (басс. Клязьмы) и *Кирженьга* (басс. Сухоны). Но отсутствие соответствующих "правых" пар не позволяет безоговорочно принять и для них подобную этимологию (кстати, и у Керженца нет "правой" пары).

¹⁹ Туристы называют их соответственно *Святая Елена* (с референцией к высокому острову в Атлантике – месту последней ссылки Наполеона) и *Продувной Верблюд* – за облик острова с двумя "горбами" и низкой, хорошо продуваемой (от комаров) перетяжкой.

²⁰ *Vierut* – форма множественного числа от карел. *vieraš* "чужой".

²¹ Множественное число в названиях обусловлено тем, что к большому острову, о котором идет речь, примыкают еще два малых островка.

²² Рошу здесь надо, видимо, понимать скорее не как группу лиственных деревьев (на острове растет почти исключительно сосна), но как культовый объект былого языческого населения.

²³ Возможно, это в известной степени обусловлено калькированием прибалтийско-финских названий русскими (в условиях длительного двуязычия и при наличии в русской топонимической традиции соответствующих семантических моделей). Для древневепсской территории подобное явление описано И.И. Муллонен [Муллонен 1994б; 1995].

²⁴ Необходимо оговориться, что данное заключение соответствует современному этапу исследования севернорусской топонимии. Можно не сомневаться в том, что развитие топонимических исследований прояснит ряд сложных вопросов субстратной топонимии Русского Севера, в том числе выявив некоторые "отсутствующие" топонимические оппозиции. Основания для такого оптимистического вывода базируются на реальном факте: наличии огромной лексической и топонимической картотеки, созданной трудами Топонимической экспедиции Уральского государственного университета.

Впрочем, ведь и многочисленные реки с названием *Десна* (ср. славянское *деснь* "правый") не имеют "левых" коррелятов [Шилов 1999а: 48–49]. Н.И. Толстой весьма убедительно показал, что значение гидронимов *Десна* в подавляющем большинстве случаев имеет не узкое ориентационное значение, а оценочное – "правильная, хорошая (для передвижения?)" [Толстой 1997]. Следовательно и финно-угорские гидронимы с основой *Керж-*, *Кирж-* могут потенциально означать не прямолинейно "левая", а нечто иное.

Еще пример. Выше и ниже Шенкурска в р. Вагу справа впадают реки *Шеньга* и *Поча*. Эти названия могут быть истолкованы как мерянские с референцией к соответствующим марийским словам *šengel* "задний" и *pošes* "задний" (*poš* "хвост"). Потенциальных коррелятивных "передних" пар к этим названиям мы не обнаружили²⁵. Так, может быть, эти разные "задние" названия маркировали положение рек относительно селения (как ближайших к нему), т.е. здесь имела место специфическая трактовка семемы "задний", не требующее наличие "передней" пары?²⁶.

Это (специфическая семантическая трактовка языковой универсалии) является одной из возможных причин отсутствия "типичных, классических" оппозиций в субстратной топонимии Русского Севера и исторических мерянских земель.

На другую возможность указал А.К. Матвеев, анализируя ситуацию с "верхними" и "нижними" названиями на Русском Севере [Матвеев 2000б]. Он обратил внимание на частотность названий с основой *Ил-*, которую (по положению объектов в системах речных бассейнов) можно сопоставить с прибалт.-финск. *ylä* – "верхний". При этом, тех топонимов, что можно было бы считать коррелирующими "нижними" (скажем, из прибалт.-финск. *ala-*), вовсе не было обнаружено. Объяснение этому А.К. Матвеев видит в "маршрутном видении" местности древним дорусским населением – по преимуществу охотников и рыболовов, для которых были характерны сезонные перекочевки через верховья рек. Таким образом, особенности хозяйственной деятельности того или иного народа на определенном этапе его исторического развития также могут способствовать "перекосу" топонимической картины относительно соседней референтной территории (с родственной в языковом отношении топонимией) или относительно более позднего топонимического пласта той же территории.

Третья и, возможно, главная причина ненаблюдаемости (или, мягче говоря, редкости) явных оппозиций в субстратной топонимии Русского Севера нам видится в следующем. Модель, скорее всего, все-таки реализуется, но мы пока не опознаем отдельные ее компоненты, характерные для данной территории. Иными словами, мы не всегда можем "угадать" лексемы, с помощью которых может быть реализована та или иная топонимическая оппозиция. Для иллюстрации приведем некоторые данные по топонимии Карелии и Вепсского Межозерья, основанные на наблюдениях автора и работах [Муллонен 1994а; СГ 1997].

Оппозиция "высокий–низкий" в прибалтийско-финской топонимии Карелии реализуется почти исключительно соответственно через топоосновы *Korke-/Korge-* "высокий", *Matal-/Madal-* "низкий, мелкий"²⁷. Но в русских названиях мысов, наряду с *Высокий* или *Плоский*, могут встретиться *Толстой*, *Толстик* "высокий (мыс)" или

²⁵ Более того, в субстратной топонимии Русского Севера "передне–задние" пары вообще крайне редки: к указанным в [Шилов 2001а, сноска 19] примером можно сейчас добавить лишь названия *Ендо-ручья* (прибалт.-финск. *ende-* "перед-"), впадающего, наряду с р. *Порженьга*, в оз. *Порженское* (*perge* "зад") басс. Кенозера.

²⁶ Заметим, что внешне похожий пример имеется и в Карелии: в р. Святрека (приток Шуи) на небольшом расстоянии друг от друга впадают с разных сторон рр. *Шонга* (ср. саам. *soaṅṅ* "задняя сторона") и *Маньга* (ср. саам. *maṅṅe* "задний").

²⁷ Кстати, топооснова *Matala-* "низкий, мелкий" может встретиться в другой оппозиционной паре – вместе с основой *Syvä-* "глубокий".

Тонкий "низкий", чему не находится семантического соответствия в прибалтийско-финской топонимии

В прибалтийско-финской топонимии понятия "дальний" передается почти всегда топоосновой *Kaug-*, а вот "ближний" (в составе оппозиций) – как топоосновой *Lahe-* "ближний", так и *Kodi-* "домашний" или *Perhe-* "семейный, домашний"

Огромное разнообразие реально используемых лексем выявляется в оппозициях "большой–малый". Оказалось, что в топонимии понятие "большой" может реализовываться через топоосновы (мы не приводим их варианты по разным прибалтийско-финским языкам) *Iso-*, *Suuri-*, *Ena-*, *Aja-*, *Pitka-* ("длинный"), а "малый" – *Pieni-*, *Pikku-* (вепс *Piču-*), *Vaha-* (а в вепском еще. *Muči*, *Tob'*).

Понятно теперь, что априорно в подобных случаях невозможно предсказать фонетический облик топонимических оппозиций (в их полном составе) на территориях с топонимией, созданной на мертвых ныне языках. Это вовсе не означает, что поиск таких оппозиций бесперспективен. Напротив, такой поиск (с опорой на один из "явных" компонентов предполагаемой оппозиции) может оказаться весьма плодотворным. Так, Т.И. Киришева показала, что в субстратной топонимии Русского Севера "нижняя" семантика присуща топонимам с основой, родственной прибалт.-финск *juvi* "основание, комель, нижний конец" [Киришева 2002]. Тем самым, для ряда "верхних" названий, все же были найдены "нижние" оппозиты (ср со сказанным выше относительно "верхне–нижних" топонимов)

Резюмируя, подчеркнем, что выявление устойчивых семантических моделей, активных в образовании топонимии той или иной территории (с неперенным учетом характерных особенностей ее ландшафта), может во многих случаях способствовать установлению языковой принадлежности некоторых групп субстратных топонимов, их этимологизации и, в отдельных случаях, даже выявлению деталей фонетической системы соответствующих субстратных языков. Вместе с тем, механический перенос таких моделей с соседних территорий не всегда оказывается продуктивным в силу богатства лексических возможностей различных языков для реализации той или иной семантической модели в топонимии

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- АИ 1841–1842 – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею Т 1–5 СПб, 1841–1842
- АСМ 1988 – Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг Л, 1988
- АСМ 1990 – Акты Соловецкого монастыря 1472–1548 гг Л, 1990
- АОС – Архангельский областной словарь Вып 9 М, 1997
- АСЭИ 1952–1964 – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в Т 1–3 М, 1952–1964
- Базилевский 1844 – П. Базилевский. Догадка о происхождении слова "Колмогоры" // Отчетственные записки 1844 Т 37 Ч 8
- Березович 2000 – Е.Л. Березович. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000
- Дерягин, Комягина 1972 – В.Я. Дерягин, Л.П. Комягина. Из истории и географии финно-угорских заимствований в северорусских говорах // Вопросы изучения русских народных говоров Л, 1972
- Киришева 2002 – Т.И. Киришева. "Верхние" и "нижние" названия в субстратной топонимии Русского Севера по данным "направленной" этимологизации // Русская диалектная этимология. Материалы IV международной научной конференции, Екатеринбург, 22–24 октября 2002 года. Екатеринбург, 2002
- Кузнецов 1995 – А.В. Кузнецов. Названия Вологодских озер. Вологда, 1995
- Кузнецов 1999 – А.В. Кузнецов. Шексна – река Велеса. Вологда, 1999
- Мат 1941 – Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941
- Матвеев 1969 – А.К. Матвеев. Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов // Этимология 1967 М, 1969

- Матвеев 1975 – А К Матвеев К вопросу об отражении перехода *š > h в субстратной топонимике Русского Севера // Congressus tertius internationalis fenno-ugristarum Tallinae Habitus, 17–23 VIII 1970 P 1 Acta linguistica Tallinn, 1975
- Матвеев 1976 – А К Матвеев Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // ВЯ 1976 № 3
- Матвеев 1977 – А К Матвеев Образное народное видение и проблемы ономаσιологической и этимологической интерпретации топонимов // Вопросы ономастики Вып 12 Свердловск, 1977
- Матвеев 1992 – А К Матвеев Названия с основой Кон- в топонимии Русского Севера // Этимология 1990 М, 1992
- Матвеев 1997 – А К Матвеев К проблеме расселения летописной меры // Изв УрГУ 1997 № 7 Гуманитарные науки Вып 1
- Матвеев 1998 – А К Матвеев Мерянская топонимия на русском Севере – фантом или феномен? // ВЯ 1998 № 5
- Матвеев 2000а – А К Матвеев Топонимические этимологии XII // Этимология 1997–1999 М, 2000
- Матвеев 2000б – А К Матвеев Топонимические поиски I // Финно-угорское наследие в русском языке Вып 1 Екатеринбург, 2000
- Матвеев 2001 – А К Матвеев Субстратная топонимия Русского Севера Т I Екатеринбург, 2001
- Муллонен 1994а – И И Муллонен Очерки вепсской топонимии СПб, 1994
- Муллонен 1994б – И И Муллонен О переводе в топонимии // Материалы для изучения сельских поселений России Ч 1 Язык Культура М, 1994
- Муллонен 1995 – И И Муллонен “Святые топонимы” в контексте вепско-русского контактирования // Ономастика Карелии Петрозаводск, 1995
- Муллонен 2002 – И И Муллонен Саранжа // Финно-угорское наследие в русском языке Вып 2 Екатеринбург, 2002
- Мурзаев 1984 – Э М Мурзаев Словарь народных географических терминов М, 1984
- Мурзаев 1995 – Э М Мурзаев Топонимика и география М, 1995
- НПЛ 1950 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов М, Л, 1950
- НОС – Новгородский областной словарь Вып 1–12 Новгород, 1992–1995
- Озерецк 1812 – Путешествие академика Н Озерецковского по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя СПб, 1812
- ПКВП 1852 – Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины 7008 года // Временник МОИДР Кн 12 М, 1852
- ПKNЗ 1999 – Писцовые книги Новгородской земли Т 1 М, 1999
- ПКОП 1930 – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг Л, 1930
- Попов 1965 – А И Попов Географические названия введение в топонимику М, Л, 1965
- ПФГЛ 1991 – Н Н Мамонтова И И Муллонен Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии Петрозаводск, 1991
- СГ 1997 – И И Муллонен И В Азарова А С Герд Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь) СПб, 1997
- СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв Т 4 М, 1997
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных территорий Т 1 СПб, 1994
- Субботина 1984 – Л А Субботина Географический термин бои и его варианты в субстратной топонимии Белозерья // Этимологические исследования Вып 3 Свердловск, 1984
- Толстой 1997 – Н И Толстой Десна – “dextra”? // Н И Толстой Избранные труды Т 1 М 1997
- Шилов 1993 – А Л Шилов По Суне плыли наши челны М, 1993
- Шилов 1995 – А Л Шилов Ландшафт и этнос через призму названий порогов Карелии // Этнолическое и языковое самосознание Тезисы научной конференции М, 1995
- Шилов 1996 – А Л Шилов Чудские мотивы в древнерусской топонимии М, 1996
- Шилов 1997а – А Л Шилов Паны на Русском Севере // Материалы для изучения селений России (VI конф “Российская деревня история и современность” Нижний Новгород, ноябрь 1997) М 1997
- Шилов 1997б – А Л Шилов Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология Заволочской Чуди // ВЯ 1997 № 6
- Шилов 1996 – А Л Шилов Заметки по исторической топонимике Русского Севера М 1999

- Шилов 1996 – *А.Л. Шилов* “Анатомические” географические термины в топонимии Карелии и Кольского полуострова // Изв. РГО 1999 Т. 131 Вып. 4
- Шилов 1996 – *А.Л. Шилов* К стратификации дорусской топонимии Карелии // ВЯ 1999 № 6
- Шилов 2001а – *А.Л. Шилов* К происхождению северо-русских топонимов с основой *Анд-* // Этимологические исследования Вып. 7 Екатеринбург, 2001
- Шилов 2001б – *А.Л. Шилов* Семантика термина “голова” в номинации географических объектов Русского Севера в контексте межэтнических контактов // Когнитивные сценарии языковой коммуникации Симферополь 2001
- Шилов 2001в – *А.Л. Шилов* О языковой принадлежности некоторых топонимов древней Новгородской земли // Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли Новгород, 2001
- Шилов 2003 – *А.Л. Шилов* Географические реалии и топонимические этимологии (на примере топонимии Русского Севера) // ВЯ 2003 № 1
- Itkonen 1958 – *T. I. Itkonen* Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja Helsinki, 1958
- Kepsu 1981 – *S. Kepsu* Pohjois-Kymenlaakson kylänummet Hämeenlinna 1981 (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 367)
- Mullonen 1990 – *I. Mullonen* Vepsians in Mezhoserye from place-name data // Proc. XVII int. congress of onomastic sciences V. 2 Helsinki, 1990
- Nissila 1975 – *V. Nissila* Suomen karjalan nimistö Joensuu 1975
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja Helsinki, 1955–1978